

П.Ю. Субботин

Никодим (Кононов) – священномученик, епископ Белгородский П.Ю. Субботин

Имя белгородского епископа Никодима (Кононова), бывшего нашим архиереем в тяжелые революционные годы XX века и прославленного Церковью как священномученика, основательно забыто белгородцами. Рядом с именами святителя Иоасафа (Горленко) и митрополита Макария (Булгакова) про владыку Никодима порой даже не вспоминают по причине малой осведомленности о судьбе и масштабе личности этого белгородского владыки.

Будущий епископ Никодим (в миру Александр Михайлович) родился в семье священника-миссионера Архангельской губернии. После окончания духовной семинарии он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, в 1896 г. принял монашеский постриг, после чего был архимандритом и ректором Калужской и Олонецкой духовных семинарий.

Задолго до своего прибытия в Курскую губернию он проявил себя как неутомимый исследователь святого подвижничества и истории монастырей русского севера. Им был собран и переработан огромный фактический материал, опубликованный в виде многочисленных научных статей и отдельных трудов, среди которых можно указать «Древнейшие архангельские святые и исторические сведения о церковном их почитании», «Соловецкие подвижники благочестия XVIII–XIX вв.», «Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах Санкт-Петербургской епархии, XIV–XVII вв.» и «Архангельский Патерик».

9 января 1911 года архимандрит Никодим был посвящен в Москве в епископа Рыльского, викария (помощника главного епископа) Курской епархии. Прибыв на место служения, епископ

Никодим принял самое активное участие в подготовке и проведении торжества прославления святителя Иоасафа в лике святых. В 1913 г. владыка Никодим был переведен на епископскую кафедру в Белгород, где и оставался до самой своей гибели.

Будучи белгородским архипастырем, епископ Никодим много труда и энергии положил в изучение биографии святителя Иоасафа, характера его почитания в народе и обстоятельств его прославления. Им было подготовлено и опубликовано несколько книг и брошюр, посвященных личности святителя Иоасафа, а в бывших покоях святого были собраны его личные и связанные с ним вещи, ставшие основой экспозиции первого музея святителя. Главным итогом научной деятельности епископа Никодима в этом направлении стал выход книги «Святитель и Чудотворец Иоасаф, епископ Белоградский и Обоянский, и его причтение к лику святых». Этот труд является примером церковно-исторического исследования и поражает высокой степенью проработанности исторического материала. Епископ Никодим избежал в своей работе лишнего пафоса и лубочной умиленности, а вместо этого обстоятельно и подробно изложил все этапы жизни святителя Иоасафа, его смерть и последующее прославление. Он выполнил обширный историографический обзор литературы по святителю Иоасафу, подробно остановился на всех существовавших недоуменных вопросах, версиях и легендах, подверг их тщательному анализу и разбору. Закончил он свою работу над этой книгой летом 1916 г., незадолго до начала революционных потрясений. В настоящее время труд епископа Никодима по святителю Иоасафу переиздан и его можно найти в свободной продаже в Белгороде.

Помимо пастырской и научной деятельности, епископ Никодим брался и за литературное – им был составлен акафист святителю Иоасафу (всего их существует несколько). Протопресвитер Михаил Польский впоследствии писал: «Этот благодатный труд преосвященного является образцом среди акафистов, составленных в России... Красотою образов

духовных легко запоминаясь, он рождает святую любовь к угоднику Божию».

После Февральской революции, с мая 1917 г., епископ Никодим временно исполнял обязанности архиерея всей Курской епархии, так как курский архиепископ Тихон (Василевский) в условиях революционной эйфории мирян и духовенства был отстранен от управления. После выборов нового архиерея епархию возглавил бывший рыльский vikарий Феофан (Гаврилов) – это он впоследствии вывезет чудотворную икону Курской Коренной Божией Матери за границу. Тем временем епископ Никодим вернулся в Белгород и приступил к реализации своего давнего замысла о выделении полусамостоятельного Белгородского викариатства (церковного округа) из состава Курской епархии в самостоятельную епархию. К этому его сподвигло значительное удаление Белгорода от Курска, наличие в городе архиерейского дома, двух монастырей, духовной семинарии и женского епархиального училища, но самое главное – древность самой белгородской епископской кафедры и то особое значение, которое придавало городу нахождение в нем мощей святителя Иоасафа. Для осуществления своей идеи епископ Никодим провел ее обсуждение сначала с белгородским духовенством, где получил его поддержку, а затем и на уровне епархии. Этот вопрос был поднят и в ходе работы Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., где идею поддержал митрополит Тифлиссский и Бакинский Платон (Рождественский) – уроженец Новооскольского уезда Курской губернии, а также сам Патриарх Тихон.

Вот за этими пастырскими, научными и организационными трудами и застал епископа Никодима Октябрьский переворот 1917 г. Первые несколько месяцев после этого в Белгороде творился революционный хаос, различные революционные группировки были заняты выяснением отношений друг с другом, организацией управления и подавлением продовольственных беспорядков. В ходе зимы-весны 1918 г. каких-либо специальных антицерковных акций не было, если не считать отнятие у владыки лошадей и наложение на белгородские

монастыри денежной контрибуции. В марте-апреле 1918 г. Белгородский, Грайворонский, частично Корочанский и Новооскольский уезды губернии были оккупированы немецко-гайдамацкими войсками, а белгородские революционеры бежали в Прохоровку.

Немецко-гайдамацкая оккупация отделила Белгородское викариатство от остальной Курской епархии линией фронта, чем только укрепила убеждение епископа Никодима в необходимости придать Белгороду статус самостоятельной епархии. Чтобы решить финансово-экономические вопросы, епископ Никодим осенью 1918 г. вместе с протоиереем Порфирием Амфитеатовым (благочинным г. Белгорода и председателем Белгородского училищного совета) и протоиереем Владимиром Поляковым (инспектором Белгородского женского епархиального училища) выехал в Киев, где проходил Всеукраинский Собор. Именно этот отъезд владыки имел в виду белгородский чекист Набоков в своих позднейших воспоминаниях: «в конце 1918 г. Белгородский Архиерей и несколько высоких священнослужителей эвакуировались в Харьков». В Киеве епископ Никодим провел встречу с правительством гетмана Скоропадского и был обнадежен в решении финансовых затруднений будущей епархии. Об этом впоследствии говорил о. Порфирий Амфитеатов: «В частном разговоре с архиереем Никодимом, я узнал, что он ездил к киевским гражданским властям по вопросу об отпущении средств для самостоятельной Белгородской епархии и об обеспечении материальном бедного духовенства, а также об отпуске средств на содержание духовно-учебных заведений, в ответ на что епископ сказал, что ходатайства по данным вопросам по-видимому будут иметь успех». Однако, вернулся епископ Никодим в уже советский Белгород – в конце ноября 1918 г. он был снова занят большевиками.

К этому времени владыка в глазах местных большевиков окончательно превратился в их главного врага. Епископ Никодим регулярно, как до, так и после прихода большевиков, произносил с амвона обличительные речи против насилия и грабежа, чинимого революционными массами, чем раздражал и

без того враждебно настроенных революционеров – наместник белгородского Свято-Троицкого мужского монастыря о. Митрофан (Худошин) вспоминал: «В проповедях своих епископ Никодим изобличал большевиков, предостерегая от них народ и всячески старался раскрыть народу [глаза] на истинную грабительскую политику большевизма. Большевикам содержание проповедей епископа Никодима не нравилось и не раз они угрожали епископу, что примут в отношении его самые крутые меры, если он будет затрагивать в своих проповедях большевиков и критиковать их действия». Повторное вступление большевиков в Белгород сопровождалось массовыми грабежами населения, взятием заложников за выкуп, отнятием у населения жилья, вымогательством, изнасилованиями, расстрелами и избиениями. Игнорировать происходящее епископ Никодим не мог и продолжал осуждать творящееся насилие несмотря на угрозы в свой адрес. Это пусть и моральное, но противостояние большевикам, вкупе с поездкой владыки в Киев к правительству Скоропадского, и сыграло роковую роль в судьбе архиерея, предопределив его будущую смерть.

До настоящего времени существовало несколько версий гибели епископа Никодима, трудно соотносящиеся друг с другом и не позволяющие восстановить полную картину произошедшего. Однако, за прошедшее время в архивах были обнаружены свидетельства современников, очевидцев и даже участников ареста, расстрела и захоронения владыки. Сопоставление этих свидетельских показаний с позднейшими заявлениями бывших чекистов позволяет восстановить произошедшее в те дни чуть ли не по часам.

Нужно отметить, что в Белгороде в то время наблюдалось двоевластие. В городе действовал военно-революционный комитет во главе с Леонидом Меранвилем, ему частично подчинялась Белгородская ЧК во главе с бывшим телеграфистом Михаилом Васильевым и милиция во главе с Владимиром Саенко. Помимо этого в городе располагалась комендатура 2-й Украинской Советской армии во главе со Стефаном Саенко. Последний подчинялся кому-либо от случая

к случаю, производил аресты, расстрелы и рубку людей часто по собственному усмотрению, привлекая иногда к этому белгородскую революционную милицию во главе с В.А. Саенко и подчиненных непосредственно себе китайцев из интернационального батальона.

Решение об аресте епископа Никодима было принято еще до его возвращения из Киева. Об этом свидетельствует сам Набоков, выехавший по приказу Васильева в Харьков, установивший там за владыкой наблюдение и вернувшийся вместе с ним в Белгород в одном вагоне. Сразу по возвращению, рано утром, владыка был арестован по пути с железнодорожного вокзала в монастырь и доставлен в чрезвычайку, откуда потом отпущен.

25 декабря 1918 г. по старому стилю в час дня Стефан Саенко явился в мужской монастырь в сопровождении двух солдат и арестовал епископа Никодима. В четыре часа того же дня он привез епископа обратно, по его приглашению пообедал вместе с ним в епископских покоях и ушел. Вечером владыка отслужил всенощную и в конце богослужения, около 7 часов вечера, сказал проповедь, где в очередной раз допустил критику большевиков. Скрытно присутствовавший на богослужении Стефан Саенко послал в пономарню двух солдат, которые передали ризничему монастыря иеромонаху Неофиту требование к епископу выйти из алтаря и явиться для допроса в чрезвычайку. Епископ подчинился, тут же вышел и был увезен теми же солдатами. К 9-ти часам утра следующего (26 декабря по ст.ст.) дня епископ Никодим вместе с 8-ю крестьянами был приведен пешком в арестный дом (располагался на месте современного старого дома быта по ул. Преображенской) и заключен там в небольшую камеру вместе с тремя крестьянами. Владыка был в монашеском одеянии, с крестом на груди.

Весть об аресте епископа облетела весь Белгород. У женского монастыря, где в то утро должен был служить владыка, начал собираться народ, в среде которого активно обсуждалось, что если попросить за епископа всем миром, то того отпустят. Преподавательницы женской гимназии стали просить свою начальницу Марию Дмитриевну Кияновскую

выступить в качестве представителя от народа. Мария Дмитриевна и часть людской толпы направились к зданию ревкома, остальная, значительно большая часть собравшихся, двинулась к арестному дому.

Увидев перед зданием ревкома протестующих, большевики пришли в большое волнение – председатель исполкома Меранвиль и Стефан Саенко вызвали к зданию солдат и не выходили до их прибытия. Солдаты прибыли, здание было оцеплено, на толпу навели пулеметы. Появились Меранвиль и Саенко, сильно перепуганные. Кияновская стала просить освободить епископа, но ни Меранвиль, ни Саенко её не слушали. На все вопросы и просьбы Меранвиль лишь отрезал: «С нами здесь не разговаривают!». Саенко находился в состоянии крайнего возбуждения и, размахивая нагайкой, в исступлении кричал: «Явная преступница! За буржуя стоишь!». Постепенно, кроме солдат, толпу наводнили агенты чрезвычайки, были схвачены Мария Дмитриевна, священник Преображенской церкви о. Владимир Лимарев и несколько других человек.

Тем временем, на другом конце города, толпа жителей в несколько сотен человек подошла к арестному дому, требуя отпустить епископа. Явился начальник тюрьмы Волик и, стреляя из револьвера, потребовал разойтись. Люди расходиться отказывались и настаивали на освобождении епископа. Тогда Волик вызвал несколько десятков вооруженных солдат и, стреляя в воздух, разогнал толпу при их помощи.

Разогнав при помощи солдат и стрельбы обе толпы жителей, большевики продолжили аресты – по указанию Меранвиля в мужской монастырь явились оба Саенко – комендант города и начальник милиции. Обвинив монахов в провоцировании народного волнения, комендант приказал начальнику милиции арестовать настоятеля о. Митрофана, казначея о. Даниила, благочинного о. Серафима и ризничьего о. Неофита, после чего тот препроводил их в комендатуру. Там их снова встретил С.А. Саенко со словами: «Через вас попов да монахов вся революция пропала, я вас всех перережу или постреляю». Позднее, в 5 часов вечера в комендатуру был

приведен и о. Порфирий Амфитеатров. На пожарный двор (сейчас – двор Белгородского строительного колледжа) была выведена Мария Дмитриевна и убита Стефаном Саенко из револьвера тремя выстрелами в упор (двумя в грудь и одним в голову). Труп Кияновской раздели, сняли украшения и вывезли за город, где выбросили в снег вместе с другими расстрелянными.

Тем временем начальник милиции В.А. Саенко в сопровождении двух человек явился в тюрьму, «долго ходил по двору тюрьмы, присматривался ко всему, заглядывая в помещения кухни, бани и т.д. [...] подошел к восточному углу кухни, стал всматриваться в этот угол, долго о чем-то пошептался со своими двумя пришедшими [...] неизвестными товарищами и ушел».

В 9 часов вечера, когда народное волнение улеглось, в арестный дом прибыли секретарь ЧК Шапиро с начальником тюрьмы Воликом и под конвоем увели епископа Никодима в чрезвычайку. Чтобы скрыть личность владыки, его там наспех постригли, переодели в длиннополую серую солдатскую шинель и студенческую фуражку, отобрали монашеское одеяние и епископский крест. В этом виде его привезли уже ночью в тюрьму. Там, в углу тюремного двора около кухни, для владыки в промерзшей земле была вырыта неглубокая могила. Владыку заставили раздеться, после чего В. Саенко, М. Васильев и С. Набоков тремя залпами расстреляли архиерея и сами же его закопали. Приготовленная для епископа могила была вырыта не по его росту, труп в ней не помещался и его фактически втиснули в эту могилу на коленях лицом вниз. Указываемые позднее другими современниками переломы шейных позвонков, якобы от удара железным прутом, свидетельствуют, что труп владыки практически утрамбовывали в яму. Надзиратель тюрьмы Василий Шварев, присутствовавший при откапывании владыки, потом говорил: «его, видимо, туда утапывали ногами, чтобы он поместился в ней».

Таким образом, к утру 27-го декабря 1918 г. епископ Никодим и Мария Кияновская были расстреляны, а руководство монастыря и благочинный о. Порфирий Амфитеатров –

арестованы. Отец Порфирий будет расстрелян в январе 1919 г. во дворе той же тюрьмы, остальные через некоторое время – отпущены. Опасаясь народных волнений, белгородские большевики приняли все меры к сокрытию совершенных убийств епископа Никодима и о. Порфирия Амфитеатрова. Обращавшимся к ним жителям они говорили, что епископ и священник увезены в Харьков и только по прошествии двух месяцев там же, в местных «Известиях» от 26 февраля была помещена заметка: «Местные попы во главе с архиереем Никодимом повели среди крестьян злостную агитацию против советской власти. Уличенные в черносотенной агитации, архиерей Никодим и один из попов были по приказу Военно-Революционного Комитета расстреляны». В том же феврале тело епископа Никодима по приказу белгородского комиссара внутренних дел Ф.Я. Славгородского было выкопано из ямы в тюремном дворе, перенесено и зарыто в общей могиле с северной стороны ограды городского кладбища (сейчас – кладбище по ул. Попова). Холмик над захоронением всю весну и лето был украшен жителями цветами, а по вступлении добровольческой армии в июле 1919 г. в г. Белгород – вскрыт, а трупы извлечены. Останки епископа Никодима были торжественно перезахоронены с северной стороны Свято-Троицкого собора мужского монастыря – там, где сейчас облагораживается территория у пещерки святителя Иоасафа.

По разному сложилась судьба «героев» этой истории. Начальник милиции Василий Саенко был пойман в Белгороде белогвардейцами и за свои преступления повешен. Его труп впоследствии большевиками был торжественно перезахоронен в братской могиле на главной площади города. И сейчас тело белгородского палача, ничем не защищавшего Родину, а только истязавшего и убивавшего собственных горожан, лежит в одной могиле с красноармейцами, отдавшими жизнь против таких же немецких палачей в Великую Отечественную войну. Комендант Стефан Саенко учредил в Харькове коммунистический концлагерь, где пытал и убивал таких же горожан, как и в Белгороде. Фотографии замучанных, расстрелянных и изрубленных в харьковском коммунистическом концлагере

людей обошли весь мир и сейчас доступны каждому. Стефан Саенко пережил 1930-е годы, в Великую Отечественную создал в Харькове партизанский отряд, но от его диверсий страдали не только немцы, но и мирное население. К 1943 г. его отряд потерял всякий авторитет среди горожан и распался. Умер он своей смертью от старости после войны пенсионером союзного значения и похоронен в Харькове. Леонид Меранвиль разругался с курскими коммунистами, был обвинен ими в расстрелах, переложил всю вину на Стефана Саенко и ретировался в Москву, где работал советским адвокатом. В 1938 г. как бывший меньшевик он был расстрелян «за участие в антисоветской организации».

Епископ Белгородский Никодим был канонизирован Русской Православной Церковью как священномученик в 2000 году. Протоиерей Порфирий Амфитеатров в 1981 г. был включен Русской Православной Церковью за рубежом в Собор новомучеников и исповедников российских в лике священномучеников.